

ВЛАДИСЛАВ АКСЕНОВ

ВОЙНА

ПАТРИОТИЗМОВ

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

**ПРОПАГАНДА
И МАССОВЫЕ
НАСТРОЕНИЯ В РОССИИ
ПЕРИОДА КРУШЕНИЯ
ИМПЕРИИ**

**ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ**

Что такое Россия

Владислав Аксенов

**Война патриотизмов: Пропаганда
и массовые настроения в России
периода крушения империи**

«НЛО»

2023

УДК 172.15
ББК 60.028.131

Аксенов В. Б.

Война патриотизмов: Пропаганда и массовые настроения в России периода крушения империи / В. Б. Аксенов — «НЛО», 2023 — (Что такое Россия)

ISBN 978-5-4448-2147-3

Что такое патриотизм: эмоция или идеология? Если это чувство, то что составляет его основу: любовь или ненависть, гордость или стыд? Если идеология, то какова она — консервативная или революционная; на поддержку кого или чего она ориентирована: власти, нации, класса, государства или общества? В своей книге Владислав Аксенов на обширном материале XIX — начала XX века анализирует идейные дискуссии и эмоциональные регистры разных социальных групп, развязавших «войну патриотизмов» в попытках присвоить себе Отечество. В этой войне агрессивная патриотическая пропаганда конструировала образы внешних и внутренних врагов и подчиняла политику эмоциям, в результате чего такие абстрактные категории, как «национальная честь и достоинство», становились факторами международных отношений и толкали страны к мировой войне. Автор показывает всю противоречивость этого исторического феномена, цикличность патриотических дебатов и кризисы, к которым они приводят. Владислав Аксенов — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, автор множества работ по истории России рубежа XIX–XX веков.

УДК 172.15
ББК 60.028.131

ISBN 978-5-4448-2147-3

© Аксенов В. Б., 2023

© НЛО, 2023

Содержание

Предисловие	8
Пролог. В дыму патриотизмов XIX – начала XX века	11
«За веру, царя и отечество!»	11
«За нашу и вашу свободу!»	16
«Right or Wrong, our Country!» [25]	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Владислав Аксенов
Война патриотизмов
Пропаганда и массовые настроения
в России периода крушения империи
Партнер проекта

Редактор серии Д. Споров

В оформлении обложки использована работа Дэвида Джаггера «Большевик» из собрания Канадского военного музея / Canadian War Museum.

© В. Аксенов, 2023

© К. Чарьева, иллюстрации, 2023

© Д. Черногаев, дизайн серии, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

* * *

Историческое заблуждение является одним из главных факторов создания нации, и потому прогресс исторических исследований часто представляет опасность для национальности.

Э. Ренан

Самая страшная опасность империализма заключается в том, что он приводит нацию к такому состоянию умов, когда нация привыкает к обману и сама не в состоянии подвергнуть себя критической

оценке... Главным признаком этого болезненного состояния умов является роковое самодовольство... Какая бы то ни было критика со стороны людей собственной национальности считается признаком наглости и отсутствия патриотизма.

Дж. Гобсон

Предисловие

Незадолго до начала Первой мировой войны российский историк, лидер Партии народной свободы П. Н. Милюков выпустил брошюру, в которой доказал, что Европе не грозит война, так как она противоречит интересам не только всех народов, но и классов, а в условиях существующей международной системы является пережитком прошлого. К тому же, учитывая накопленные вооружения и военно-технические изобретения, она стала бы катастрофой даже для победителей. Незадолго до захвата власти большевиками в 1917 году некоторые газеты успокаивали читателей тем, что слухи о готовящемся партией В. И. Ленина перевороте не более чем обывательские страхи, потому что, захватив власть, большевики не смогут ее удержать, так как не в состоянии выполнить ни одно из своих обещаний, а грядущее Учредительное собрание никогда их не признает. Читая подобные аргументы, неподготовленный читатель едва ли сможет найти в них изъян, а кому-то и вовсе на мгновение покажется, что ни Первой мировой войны, ни Октября 1917 года никогда не было. Таким образом, с одной стороны, мы имеем железную логику доказательства того, что Первая мировая война невозможна, а с другой – исторический факт, опровергающий эту логику. В чем же подвох? А подвох в том, что история не подчиняется рациональной человеческой логике хотя бы потому, что поступки людей зачастую иррациональны, подчинены эмоциям, а не идеям. Это не значит, что история лишена смысла и зависит исключительно от его величества Случая, а ее изучение – пустая трата времени. В конце концов, человек с его сложной психической организацией – всего лишь один из субъектов истории, помимо его воли существуют глубокие, длительные процессы и явления, повлиять на которые отдельно взятая личность не в силах. Но важнее в нашем случае другое: человеческие эмоции, страсти вспыхивают, разгораются, дрейфуют и затухают по своим собственным законам; общества как сложные открытые динамические системы имеют тенденцию к самоорганизации. Тем самым история учит исследовать прошлое не как шахматную партию между политическими лидерами или странами, классами, народами, а как совокупность сложных синергетических процессов, в которых «правила игры» динамичны и меняются в зависимости от обстоятельств. Феномен патриотизма, существующий как бы одновременно в нескольких измерениях – чувств, идей, поведения, – демонстрирует порой неожиданные переплетения рациональных и иррациональных основ.

В 2020 году я написал объемное исследование «Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918)» (М.: Новое литературное обозрение. 992 с.), ставшее основой для вскоре защищенной докторской диссертации. Однако построенная по законам академической науки и несколько тяжеловесная как по языку, так и по объему, структуре книга, хотя и стала издательским бестселлером, вызвала у меня желание донести некоторые идеи и сюжеты до более широкой аудитории. При этом настоящая работа, «Война патриотизмов: Пропаганда и массовые настроения в России периода крушения империи», не стала адаптацией «Слухов, образов, эмоций» для широких кругов читателей. В определенной степени это новое исследование, посвященное более узкой теме, но с расширенными хронологическими рамками, в основной части опирающееся на ранее введенный в научный оборот, но переработанный и существенно дополненный материал. При этом в целях популяризации решено было, по соглашению с издательством, сократить количество сносок (повторное цитирование опубликованного источника идет без сноски, а ссылки на архивные документы, не всегда доступные читателям, отсутствуют вовсе). В случаях, если читателю захочется более обстоятельной аргументации тех или иных тезисов, можно порекомендовать обратиться к предшествующей монографии.

Одной из задач настоящей работы было донесение до современного читателя слов и настроений жителей прошлых эпох, поэтому акцент сделан на таких источниках, как дневники,

письма, воспоминания, публицистика, а также художественные произведения (литература, поэзия, изобразительное искусство), отражавшие дух и эмоциональную атмосферу времени. Для понимания эпохи недостаточно объективизированного подхода, обращения к макропоказателям экономической или политической истории, важным представляется изучение взгляда на события так называемого «маленького человека» с его субъективными переживаниями.

Как правило, патриотизм изучается в рамках истории идей, однако в этой книге акцент будет смещен на его эмоциональную природу. Это оправдано с точки зрения эмоциональной основы патриотического чувства как любви к «своему», а в ряде случаев и ненависти к «чужому» отечеству, так и с учетом эмоциональной подоплеку патриотической пропаганды, апеллирования к инстинктам масс. Кроме того, нередко патриотизм принимает иррациональные формы, в том числе оборачивается навязчивой идеей, психической девиацией. Это особенно характерно для обществ, в которых патриотическая пропаганда выстраивается вокруг ненависти к внешним или внутренним врагам. Сочетание подходов истории идей и истории эмоций позволит лучше понять этот феномен.

Заглавие данной книги указывает на период «крушения империи», который в узком смысле включает в себя период Первой мировой войны (также Великой, или Второй Отечественной войны), но может быть расширен до Русско-японской войны и первой российской революции. Тем не менее книга начинается с XIX века. Задачей пролога стало показать все разнообразие этого феномена как в сфере публичных дискуссий, войны идей, так и в сфере личных, субъективных переживаний. Первая мировая война, названная в России Отечественной ввиду того, что Германия первой объявила войну России, тем не менее вызвала практически сразу в определенных кругах общества обвинения правительства в провоцировании конфликта. Формально этому способствовала не только начатая всеобщая мобилизация, на которую и отреагировал Вильгельм II, но и агрессивная риторика предшествующих лет. Тем не менее для значительной части российского общества нападение Германии на Россию дало основания для общей патриотической мобилизации. Наличие у другой части общества «антипатриотической» позиции, чувств может вызвать у читателя удивление, если не учитывать историю патриотических эмоций и, в частности, той формы гражданско-гуманистического патриотизма, который во главу угла ставит ценность человеческой жизни и «малого очага», с которого, собственно, и началась история патриотического «дыма отечества». XIX век демонстрирует более полную картину «войн патриотизмов», в том числе в периоды, когда Россия не отвечала на внешнюю агрессию, а сама осуществляла насилие как по отношению к входящим в ее состав народам, так и народам, находящимся за пределами российских государственных границ. Риторика патриотизмов девятнадцатого столетия продолжала звучать и в двадцатом. Кроме того, именно Отечественная война 1812 года, как Революция 1789 года для французов, стала началом отечественных общественных дискуссий на эту тему. Сама война уже тогда поставила перед современниками сложные вопросы, повторившиеся во Второй Отечественной войне 1914–1918 годов, в том числе касавшиеся расхождения народных и официозных образов войны и ее отдельных героев, темы коллаборационизма (под который подводились собственные патриотические позиции), жестокости собственной армии в отношении мирного населения (в том числе соотечественников), цене победы и т. д. Тем не менее основные главы книги посвящены кануну и периоду Второй Отечественной войны, а эпилог – Великой российской революции 1917–1922 годов, которую можно рассматривать как своеобразный переходный период между двумя империями.

Хотя патриотизм как явление был известен еще во времена Античности, греки патриотами именовали соотечественников, а патриотизм существовал в локальной форме как любовь к малому отечеству, своему «очагу». В XVIII веке в философии Просвещения стали возникать современные трактовки понятия, однако превращение этого феномена в национально-государственную доктрину произошло благодаря Французской революции. Именно в революционной

Франции лозунг «Свобода, Равенство, Братство» стал идейной основой гражданско-революционного патриотизма, закреплённой на уровне государственной символики – «Марсельезы» и национального флага. Таким образом, патриотизм как государственная доктрина изначально имел революционные корни, существовал именно как революционная идея. Впоследствии французский государственный патриотизм, приобретя официальный статус, избавился от своего революционного смысла и стал считаться консервативной идеологией. Подобная инверсия характерна для большинства понятий, меняющихся с течением времени. Однако история патриотизма показывает не только линейно-исторические трансформации, но и одновременное существование разных патриотизмов. Их разность определяется как интерпретациями таких категорий, как «отечество», «нация», так и отношением к патриотизму как постоянной идеологии или временному настроению. Именно поэтому патриотические дискуссии часто ведутся на разных языках, и оппоненты редко слышат и понимают друг друга, пытаясь присвоить одному себе общее отечество и вместе с ним титул истинного патриота. Показать всю противоречивость данного феномена в истории, определённую цикличность, повторяемость бесконечных патриотических дискуссий и те кризисы, к которым они приводят, и призвана данная книга.

Пролог. В дыму патриотизмов XIX – начала XX века

«За веру, царя и отечество!»

*Звучи, о арфа, ты все о Казани мне!
Звучи, как Павел в ней явился благодатен!
Мила нам добра весть о нашей стороне:
Отечества и дым нам сладок и приятен, —*

так писал Г. Р. Державин в 1798 году в стихотворении «Арфа» о своем родном городе на берегу Волги. Метафора «дыма отечества», по всей видимости, была заимствована им из позднелатинских переводов Гомера и Овидия. В «Одиссее» плененный Калипсо царь Итаки, «напрасно желая видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий», молил о смерти. «Дым отечества» – символ ностальгического чувства, тоски по далекой родине (у Державина – по «малой» родине) – стал распространенным патриотическим образом, объединяя ностальгическое настроение с патриотическим. Ностальгическо-патриотическая символика особенно ярко проявилась в творчестве русских поэтов-эмигрантов XX века. Как правило – это не политические символы, а порой невидимые изнутри России приметы родных мест. В стихотворении М. И. Цветаевой «Тоска по Родине» упоминание встреченного по дороге куста рябины производит такое сильное воздействие на автора, что перехватывает дыхание и обрывает повествование на полуслове. Родина ассоциируется не с государством, а родными, близкими сердцу вещами, формировавшими повседневное локальное пространство:

*Там в сумерках рояль брэнчит в висках бемолью.
Пиджак, вися в шкафу, там поедает молью.
Оцепеневший дуб кивает лукоморью,*

– вспоминал на пятый год эмиграции родину И. А. Бродский. Такой патриотизм имеет не столько территориальное, сколько временное измерение, так как обращен к утраченному прошлому. Но в этом случае возникает вопрос: может ли человек, находящийся не на чужбине, а в своем отечестве, испытывать патриотическое чувство, коль скоро из него изъята тоска по родине? И если да, то насколько естественен такой патриотизм?

Один из вариантов ответа связан с защитой родины от внешних врагов. Именно в военно-героическом эпосе черпает вдохновение патриотическая пропаганда. В России более чем на столетие главным символом военно-патриотической политики стала Отечественная война 1812 года, однако предшествовали ей специфические формы патриотизма: шапкозакидательские настроения квасных патриотов, сменившиеся затем патриотической тревогой и паникой после вторжения армий Наполеона. Как это обычно бывает, накануне войны России с Францией в высших сферах российского общества сложилась патриотическая эйфория. Опальный фаворит Павла I граф Ф. В. Ростопчин – «сумасшедший Федька», как назвала его Екатерина II – убеждал в 1805 году москвичей в том, что «русская армия такова, что ее не понуждать, а скорее сдерживать надобно; и если что может заставить иногда страшиться за нее, так это одна излишняя ее храбрость и даже запальчивость», а также рассказывал о русском секретном оружии – боевом кличе «За Бога, Царя и Святую Русь», который так воздействует на

солдат, что они без памяти бросаются на неприятеля, сметая любые преграды¹. Студент Московского императорского университета С. П. Жихарев в это время отмечал, что многие патриоты «чересчур храбрятся и презирают французов». Поражение под Аустерлицем охладило их пыл, а кого-то заставило переосмыслить патриотический энтузиазм предшествующего времени, обнаружив в нем одно лишь желание угодить власти: «Мнение Москвы состоит единственно в том, чтобы не иметь никакого мнения, а делать только угодное Государю, в полной к нему доверенности»². Пропаганда пыталась подсластить горечь поражения рассказами о геройстве русских воинов, конструируя военно-патриотическую мифологию. В итоге, когда в декабре 1805 года император вернулся в Петербург, столичное общество устроило ему триумф, называя его именами римских императоров периода наивысшего расцвета Рима – то Марком Аврелием, то Антонином Пием. В разных социальных кругах – среди купечества, духовенства, не говоря уже об аристократии – зрели реваншистские настроения. В это время в театрах появляются историко-патриотические спектакли: «Дмитрий Донской», «Пожарский», «Марфа Посадница». Однажды запущенный пропагандой механизм патриотизма, направленный на преодоление травмы военной неудачи, обнаружил способность к саморазвитию: патриоты подбадривали друг друга демонстрацией уверенности в скорых победах и еще более поднимали градус патриотических эмоций. В ряде случаев патриотическое настроение достигало стадии аффекта. Современник описывал состояние зрителей во время спектакля «Дмитрий Донской», главную роль в котором исполнял любимец публики А. С. Яковлев:

Я чувствовал стеснение в груди; меня душили спазмы, была лихорадка, бросало то в озноб, то в жар; то я плакал навзрыд, то аплодировал из всей мочи, то барабанил ногами по полу – словом, безумствовал, как безумствовала, впрочем, и вся публика, до такой степени многочисленная, что буквально некуда было уронить яблоко³.

Жихарев выделил реплики актеров, после которых в зале начиналось буйство, прерывавшее постановку: «Беды платить врагам настало ныне время» и «Ах, лучше смерть в бою, чем мир принять бесчестный». Тем не менее последующий ряд поражений русской армии привел Россию к подписанию Тильзитского мира в 1807 году.

Сохранявшиеся противоречия между Александром I и Наполеоном I делали неизбежным новое столкновение. В российском обществе развивалась патриотическая тревога, в которой разгоралось соперничество за право считаться истинным патриотом. Образ патриота конструировался через его противопоставление чужому, врагу, поэтому серьезным обвинением становилась галломания. Так как Франция являлась не только внешнеполитическим соперником России (накануне 1812 года одним из главных камней преткновения между империями было герцогство Варшавское, на территории которого Наполеон ввел конституцию), но выступала символом революции, то галломания становилась признаком, по выражению литературоведа, академика Императорской академии наук А. Н. Пыпина, «агента и союзника революции». Одной из жертв той «войны патриотизмов» стал царский фаворит-реформатор М. М. Сперанский, чья франкофилия в глазах консервативной общественности равнялась почти национальному предательству. Его идейный противник граф Ф. В. Ростопчин критиковал галломанию российского общества от лица своего литературного героя:

Спаси Господи! Чему детей нынче учат! Выговаривать чисто по-французски, вывертывать ноги и всклокачивать голову... как же им любить свою землю, когда они и русский язык плохо знают? Как им стоять за

¹ Записки Степана Петровича Жихарева. М., 1890. С. 101.

² Там же. С. 164.

³ Там же. С. 269.

Веру, за Царя и за Отечество, когда они закону Божьему не учены и когда русских считают за медведей?.. Отечество их на Кузнецком мосту, а Царство небесное Париж⁴.

За свой верноподданнический патриотизм граф получил накануне войны 1812 года должность московского генерал-губернатора, которая в итоге очень дорого обошлась москвичам. При этом Ростопчин выступал не против Франции как таковой, а против революционных веяний, нового уклада Французской республики и образованной на ее фундаменте империи Наполеона. Впрочем, современники отмечали у графа нелюбовь к французам, особенно после войны 1812 года, что, однако, не помешало Ростопчину выехать в 1817 году в Париж и прожить там с семьей до 1823 года. Патриотизм Ростопчина носил во многом политический характер, а отечеством, соответственно, для него становился существующий в России политический строй. О том же писал и Н. М. Карамзин в 1811 году в «Записке о древней и новой России»: «самодержавие есть палладиум России».

Другим враждебным отечеству мировоззрением, помимо галломании, консерваторы-патриоты объявили космополитизм. Идеи «мирового гражданства», известные еще с античных времен, получили новое развитие в эпоху Просвещения в сочинениях Монтескье, Вольтера и Канта. В работе «Рассуждение о любви к Отечеству» адмирал-писатель А. С. Шишков высказывался по поводу космополитизма:

Человек, почитающий себя гражданином света, то есть не принадлежащим ни к какому народу, делает то же, как бы он не признавал у себя ни отца, ни матери, ни роду, ни племени. Он, исторгаясь из рода людей, причисляет сам себя к роду животных⁵.

Однако, сравнивая любовь к отечеству с любовью к матери, Шишков заявлял, что патриотическое чувство сильнее семейных уз: «Сила любви к отечеству преобладает силу любви ко всему, что нам драгоценно и мило, к женам, к детям нашим и к самим себе». Этот постулат был необходим патриотам для того, чтобы оправдать готовность жертвовать благосостоянием и жизнями своих близких ради отечества. При этом, определяя отечество как «страну, где мы родились, воздух, которым дышим, землю, где лежат кости отцов», Шишков называл главой отечества царя, данного богом. Тем самым любовь к отечеству оборачивалась верноподданничеством. Характерно, что в момент написания своего «Рассуждения» адмирал находился в опале, но когда сочинение прочитал император Александр I, он вернул Шишкова на службу, назначив его на должность государственного секретаря вместо удаленного М. М. Сперанского.

Тем не менее внутри «партии» патриотов-консерваторов не было единства, издержкой патриотизма часто становились параноидальная подозрительность и поиск врагов среди своих: патриот Шишков подозревал консерватора Карамзина в вольнодумстве и галломании на том основании, что в его поэзии обнаруживалось стремление освежить литературные формы в духе французских традиций⁶. Общественные дискуссии по политическим вопросам накануне войны казались Ростопчину призраками грозившей России революции. По мнению А. Н. Пыпина, в это время в обществе сложился

тот особый патриотизм, сущность которого состоит в самовосхвалении и воинственном задоре... Успехи просвещения понимаются... как победа над другими: это не есть желание мирной образованности для самих себя, а желание – заткнуть за пояс других⁷.

⁴ Сочинения Ростопчина (графа Федора Васильевича). СПб., 1855. С. 9–10.

⁵ Шишков А. С. Рассуждение о любви к Отечеству // Чтение в Беседе любителей русского слова. Книжка пятая. СПб., 1812.

⁶ Пыпин А. Н. Общественное движение при Александре I. СПб., 1871. С. 288.

⁷ Там же. С. 286–287.

Вторжение армии Наполеона в Россию способствовало внешнему единению власти и общества. В царском манифесте от 6 июля 1812 года проводились параллели с событиями двухсотлетней давности и ставилась задача «объединиться против общего врага, чтобы тот встретил в каждом дворянине князя Пожарского, в каждом горожанине Кузьму Минина, в каждом лице духовного звания монаха Авраамия Палицына». Отчасти это и было реализовано в народном ополчении, хотя впоследствии выяснилось, что крестьяне-ополченцы ждали от «отечества» (или его «отца») определенные награды за свои услуги: землю и волю. После возвращения в Москву Ростопчину пришлось угрожать местным крестьянам-ополченцам применением против них военной силы, если они не подчинятся властям и не прекратят грабить помещиков.

Война 1812 года, как и любая другая, отличалась как проявлениями героизма, жертвенности, так и трусости, предательства, в результате чего складывались две противоположные картины войны: официально-патриотическая и непатриотическая-народная. Офицеры вспоминали факты мародерства своих солдат, в том числе в отношении убитых русских, то есть то, что исключалось из официальной патриотической пропаганды⁸. Хотя патриотическая риторика поддерживала боевой дух комбатантов, ее изучение обнаруживает разные интерпретации патриотизма. Так, 19-летний поручик лейб-гвардии Семеновского полка А. В. Чичерин, мечтавший «отдать жизнь за сердце отечества» (что геройски и сделал во время Заграничного похода), но пребывавший в состоянии уныния после сдачи Москвы французам, утешал себя в сентябре 1812 года тем, что гибель империи не означает гибели отечества, записав в дневнике:

Любовь к отечеству должна заставить меня все позабыть: пусть свершаются предательства, пусть армия потерпит поражение, пусть погибнет империя, но отечество мое остается, и долг зовет меня служить ему⁹.

В данном случае под отечеством понимается не государство, власть, политические институты, а земля и живущий на ней народ. Молодые дворяне-офицеры во время войны не склонны были рассматривать своих командиров и власти в целом в качестве единственного патриотического образца. Будущий член «Союза благоденствия» П. С. Пущин в своем дневнике зафиксировал имевший место 8–12 июля 1812 года бунт молодых офицеров против командовавшего лейб-гвардии Семеновским полком К. А. Кріднера, позволившего себе сделать оскорбительное замечание в адрес их товарища. Арбитром выступил великий князь Константин Павлович, напомнивший офицерам, что в условиях военного времени их долг подчиняться своим командирам ради спасения отечества, но затем отправивший Кріднера в отставку. Для Пущина и его товарищей право на свободу мысли и защиту чести оказывалось выше законов субординации, составляя основу патриотического поведения.

Занять центральное место в военно-патриотической политике последующих ста лет войне 1812 года помогли не только военные успехи, но и успехи пропаганды: война шла как на полях сражений, так и в медиапространстве – слухам и дезинформации противопоставлялись официальные сообщения. В период наступления Наполеона на Москву в Первопрестольной стали распространяться слухи о том, что французский император желает россиянам добра, собирается дать крестьянам свободу и пр., то есть чуть ли не сам выступает в роли российского патриота. Генерал-губернатор Москвы, «сумасшедший Федька», обратился к PR-технологиям и стал сочинять агитационные листки-афишки, которые развешивались на московских улицах:

Слава Богу! Все у нас в Москве хорошо и спокойно. Хлеб не дорожает и мясо дешевлеет. Одного хочется, чтоб злодея побить, и то будет... берегитесь

⁸ См.: Андреев Н. И. Воспоминания офицера 50-го егерского полка // Русский Архив. 1879. Т. 3. С. 174–202.

⁹ Пущин П. С. Дневник 1812–1814 годов. Чичерин А. В. Дневник 1812–1813 годов. М., 2012. С. 226.

*одного: пьяниц, да дураков: они распустят уши, шатаются, да и другим в уши в распах надувают. Иной вздумает, что Наполеон за добром идет; а его дело кожу драть: обещает все, а выйдет ничего. Солдатам сулит фельдмаршалство, нищим золотые горы, народу свободу; а всех ловит за виски, да в тиски... Государь изволил приказать беречь матушку Москву; а кому ж беречь мать, как не деткам!*¹⁰

В другой «афишке» Ростопчин клялся своей жизнью, что Наполеон никогда не войдет в Москву, и призывал не поддаваться панике и не покидать город.

Активная патриотическая пропаганда велась на страницах журнала «Русский вестник» С. Н. Глинки, о котором П. А. Вяземский писал:

*Перо Глинки первое на Руси начало перестреливаться с неприятелем. Он не заключал перемирия даже и в те роздыхи, когда русские штыки отмыкались, уступая силе обстоятельств и выжидая нового вызова к действию*¹¹.

Оборотной стороной патриотической пропаганды, сеявшей не только ненависть, но и страх перед реальным внешним и потенциальным внутренним врагом, становилось распространение шпиономании. В разных городах напуганные обыватели с подозрением относились к незнакомым прохожим, принимая их за шпионов и избивая до смерти. А. С. Шишкову пришлось выпустить в Петербурге объявление о запрете частным лицам самовольно хватать прохожих, подозреваемых в шпионаже. Сосланного в Нижний Новгород М. М. Сперанского некоторые местные дворяне-патриоты предлагали «повесить, казнить, сжечь на костре», в результате чего его было решено отправить подальше от греха в Пермь.

Тем не менее возвращенный на эмоциях патриотизм (особенно на страхе и ненависти) не может жить долго. Объявив войну галломании, Глинка восхвалял все русское, однако, как отмечали современники, то, что было естественным в условиях войны, после победы над Наполеоном стало казаться смешным. Пыпин отмечал, что после войны патриоты-консерваторы «жаловались, что стал слабеть энтузиазм», объясняя это тем, что патриотизм части общества носил случайный характер, был вызван инстинктом самосохранения в условиях французского вторжения, а после победы потерял актуальность.

Патриотический энтузиазм мирного времени должен был избрать себе новую цель, и ею стало желание совершенствования политической системы. Согласно следственным показаниям декабриста князя С. П. Трубецкого, участники войны 1812 года «рассуждали, что уже был каждый по возможности своей полезен отечеству в военное время, не должны быть бесполезны и в мирное»¹². Проблема форм патриотической деятельности в мирное время очень долго сохраняла актуальность, так как военно-патриотическая пропаганда смещала акценты на подвиги героев в годы войны, поэтому практики небоевого патриотического поведения были плохо понятны людям. Славянофил И. С. Аксаков в статье «В чем недостаточность русского патриотизма» в 1864 году не без раздражения пенял доморощенным патриотам: «Пора же понять, наконец, что способность патриотических жертв во время войны несколько не освобождает нас от обязанностей нравственных во время мира»¹³.

¹⁰ Сочинения Ростопчина... С. 166–167.

¹¹ Вяземский П. А. Сергей Николаевич Глинка // Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 438.

¹² Восстание декабристов. Материалы. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 23.

¹³ День. 1864. 17 октября.

«За нашу и вашу волю!»

Отечественный, общественно-народный характер войны способствовал развитию гражданского патриотизма, при котором интересы общества ставятся выше интересов власти. Подобный патриотизм обнаружил себя уже в идеологии движения декабристов. На раннем этапе «это был идеалистический патриотизм, хотевший действовать чисто нравственной пропагандой и образованием, думавший только помогать правительству»¹⁴. Однако отказ Александра I от государственных реформ и репрессивные меры после восстания Семеновского полка в 1820 году привели к радикализации патриотических идей и патриотического поведения будущих декабристов, которые решили, что «вправе разрушить то правление, которое почитаем неудобным для своего отечества»¹⁵.

Даже под угрозой смертной казни декабристы на следствии не отказались от патриотических мотивов своего выступления, но попытались представить их в более приятном для власти свете, признавая преступность своих намерений и сближая понятия «отечество» и «государство». Так, С. П. Трубецкой связал интересы отечества с интересами государства:

*Предлог составления тайных политических обществ есть любовь к Отечеству. Сие чувство, которым всякий человек обязан к своей родине, хорошо понятое заставляет действовать к пользе Государства, худо понятое может сделать величайший вред*¹⁶.

Показательно, что на допросе от декабристов пытались добиться признаний, что их общества якобы финансировались из-за границы, в частности английским правительством, – для казенных патриотов, отрицающих естественную низовую оппозиционность как проявление патриотической позиции, в разные времена характерно конспирологическое объяснение природы общественного протеста и поиск иностранных агентов.

Либерализация политической сферы означала и решение национальных вопросов, в числе которых одним из самых острых оставался на протяжении XIX века польский вопрос. Именно с ним во многом была связана идентификация отечественных патриотов и разнообразие форм российского патриотизма. Для российских интеллектуалов польский вопрос выходил за рамки политической проблемы автономии или независимости, он имел цивилизационную основу, так как победа над Польшей мыслилась как миф национального строительства, с чего началось правление Романовых. Для другой (по-видимому, меньшей) части общества Польша как территория более развитая в политическом отношении, чем остальная Российская империя, являлась некоторым примером, образцом для подражания. Дарование Александром I конституции Царству Польскому в 1815 году вселяло в определенные круги дворянства надежду, что затем конституция будет дана и всей России. Тем самым польское освободительное движение виделось из России как движение не столько национальное, сколько политическое, антисамодержавное и антиимперское, что сильно раздражало патриотов-консерваторов. Для сотрудника Министерства иностранных дел поэта Ф. И. Тютчева Россия могла существовать только как славяно-христианская империя, поэтому любые антиимперские настроения им рассматривались как антирусские, а по поводу Польши он писал, что она должна погибнуть как «ложное образование, ложная национальность»¹⁷. При этом некоторые офицеры были настроены куда более миролюбиво. Когда в 1830 году вспыхнуло Польское восстание, молодой кавалерийский офицер Николай Яковлевич Трубецкой писал:

¹⁴ Пытин А. Н. Общественное движение... С. 392–393.

¹⁵ Восстание декабристов... С. 174.

¹⁶ Восстание декабристов... С. 22.

¹⁷ Тютчев Ф. И. Россия и Германия // Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений. СПб., 1911. С. 442.

лерист А. Н. Вульф преждевременно радовался тому, что его полк не был отправлен на подавление «мятежа», так как не желал «участвовать в угнетении человечества» и даже подумывал об отставке (однако впоследствии все же подчинился приказу и воевал с польскими повстанцами)¹⁸.

Характерно, что во время Польского восстания 1830–1831 годов в Варшаве на патриотической демонстрации памяти декабристов родился девиз, который писали на штандартах на русском и польском языках: «За нашу и вашу вольность!» Этот патриотический лозунг был подхвачен и частью российской общественности. А. И. Герцен писал, призывая россиян встать на защиту поляков:

Соединитесь с поляками в общую борьбу «за нашу и их вольность», и грех России искупится... и мы с гордостью и умилением скажем когда-нибудь миру: «Польша не сгинула бы и без нас – но мы облегчили ей тяжкую борьбу»¹⁹.

П. А. Вяземский был не так революционно настроен, как Герцен. Он считал, что России следует отпустить Польшу:

Польшу нельзя расстрелять, нельзя повесить ее, следовательно, силой ничего прочного, ничего окончательного сделать нельзя... Есть одно средство: бросить царство Польское... Пускай Польша выбирает себе род жизни... Наши действия в Польше откинут нас на 50 лет от просвещения Европейского²⁰.

Однако в целом в российском обществе была сильна психология имперства, отрицавшая по праву завоевателей право на национальное самоопределение поляков. Не был лишен имперских амбиций друг Вяземского А. С. Пушкин, который во время Польского восстания обзавелся семьей и, по мнению многих, остепенился, восхищался героизмом поляков, но при этом считал, что «все-таки их надобно задушить». В 1831 году Пушкин в угоду царю написал стихотворение «Клеветникам России», которое вошло в патриотический сборник «На взятие Варшавы». П. А. Вяземский назвал патриотические вирши В. А. Жуковского и А. С. Пушкина из этого сборника «шинельной поэзией», удивляясь «всеядностью» стихотворцев: «Как можно в наше время видеть поэзию в бомбах, палисадах?» – и отреагировав на разлившийся в светских кругах после взятия Варшавы шовинистический угар: «Как похотлив их патриотизм! Только пощекочешь их, а у них уже и заходится и грезится им, что они ублудили первую красавицу в мире». Позже Вяземский слегка иначе выразил эту мысль: «Матушка Россия не берет насильно, а все добровольно, наступая на горло». Писатель Н. А. Мельгунов так отозвался о поступке Пушкина: «Он мне так огадился как человек, что я потерял к нему уважение даже как к поэту». Хотя многие в либеральных кругах осудили верноподданнический реверанс Пушкина, тот же Вяземский, учитывая личные симпатии, а также талант и вклад поэта в русскую культуру, спустя несколько лет противопоставил друг другу два типа российских патриотов – почитателей Пушкина и почитателей шефа жандармов Бенкендорфа.

Развитие гражданского патриотизма на базе либеральных, конституционных идей потребовало от консервативной общественности и власти ответных действий, результатом чего стало появление новой патриотической платформы, сформулированной графом С. С. Уваровым при вступлении в должность министра народного просвещения в 1833 году и известной как «теория официальной народности»: «Народное воспитание должно совершаться в соединенном духе Православия, Самодержавия и Народности». Эти три кита новой российской патриотической доктрины противопоставлялись патриотическому девизу французских революционе-

¹⁸ Вульф А. Н. Дневник 1827–1842 гг. М., 2016. С. 165.

¹⁹ Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. 12. М., 1957. С. 92.

²⁰ Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 212–213.

ров «Свобода, Равенство, Братство». Само ироничное название теории, автором которого был Пыпин, указывало на ее восприятие в либеральных кругах как властной попытки присвоения народного отечества, исключительного права говорить от его имени, что очень скоро подтвердилось цензурной политикой Министерства народного просвещения. Отношение Уварова к свободе слова и прессе иллюстрирует его высказывание, объясняющее решение закрыть в 1834 году популярный просветительский журнал Н. А. Полевого «Московский телеграф»:

В правах русского гражданина нет права обращаться письменно к публике. Это привилегия, которую правительство может дать и отнять, когда хочет... Декабристы не истреблены; Полевой хочет быть органом их²¹.

Вероятно, наиболее символично выглядят репрессии против П. Я. Чаадаева, опубликовавшего в 1836 году «Философическое письмо» в журнале «Телескоп». В итоге журнал был закрыт, а автор оказался на принудительном психиатрическом лечении. При этом «Философические письма» Чаадаева демонстрировали такой патриотизм, при котором гражданин, в силу исключительного переживания за свое отечество, наблюдая его изъяны, испытывает сильнейший стыд и горечь, не оставляя надежды на его спасение. Однако такой патриотизм был воспринят властями и частью консервативно-патриотической общественности как признак умопомешательства. В «Апологии сумасшедшего» Чаадаев писал:

Есть разные способы любить свое отечество; например, самоед, любящий свои родные снега, которые сделали его близоруким, закоптелую юрту, где он, скорчившись, проводит половину своей жизни, и прогорклый олениный жир, заражающий вокруг него воздух зловонием, любит свою страну, конечно, иначе, нежели английский гражданин, гордый учреждениями и высокой цивилизацией своего славного острова; и, без сомнения, было бы прискорбно для нас, если бы нам все еще приходилось любить места, где мы родились, на манер самоедов. Прекрасная вещь – любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное – это любовь к истине. Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов, благодетелей человечества. Любовь к родине разделяет народы, питает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур; любовь к истине распространяет свет знания, создает духовные наслаждения, приближает людей к Божеству. Не чрез родину, а чрез истину ведет путь на небо.

Чаадаевский критический патриотизм вызвал когнитивно-ценностный диссонанс у носителей «квасного патриотизма», основанного исключительно на восхвалении своей родины, он задел чувства определенной публики, которая посчитала себя оскорбленной. В аффективном состоянии возмущения некоторые пылкие студенты Московского университета обещали вызвать Чаадаева на дуэль. Впрочем, вызов на дуэль как итог философской дискуссии двух горячих «патриотов» не был удивительным в то время. Как вспоминал И. И. Панаев, диспут недолюбливавших друг друга М. Н. Каткова и М. А. Бакунина в 1841 году закончился вызовом на дуэль, которую решено было перенести в Берлин, из-за чего она так и не состоялась.

Чаадаев не был одинок в своих мыслях. Его позицию отчасти разделял П. А. Вяземский, который еще в 1831 году называл Россию «тормозом в движениях народов к постепенному усовершенствованию нравственному и политическому», а в 1842 году рассуждал о формах патриотизма:

Для некоторых любить отечество – значит дорожить и гордиться Карамзиным, Жуковским, Пушкиным... Для других любить отечество –

²¹ Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов: Исторические очерки. СПб., 1906. С. 486.

значит любить и держаться Бенкендорфа, Чернышева, Клейнмихеля... Будто тот не любит отечество, кто скорбит о худых мерах правительства, а любит его тот, кто потворствует мыслью, совестью и действием всем глупостям и противозаконностям людей облеченных властью? Можно требовать повиновения, но нельзя требовать согласия... Все это от невежества: наши государственные люди не злее и не порочнее, чем в других землях, но они необразованнее²².

Освободительные движения в Европе и усиление оппозиционных настроений внутри России пугали Николая I, на которого травмирующий эффект оказало восстание 14 декабря 1825 года. Опасаясь повторения тех событий, император усиливал политический сыск, ужесточал цензуру, в результате чего чрезвычайные полномочия в стране получали чиновники III отделения. Учрежденный 2 апреля 1848 года высший постоянный цензурный орган – «Бутурлинский комитет» – налагал на печать новые ограничения: к запрету освещения европейских революций добавился запрет рассуждать на определенные темы отечественной истории (Д. П. Бутурлин был недоволен упоминанием восстания И. Болотникова С. М. Соловьевым), включая нравы и обычаи русского народа. Реконструкция исторического прошлого, условно «традиционных ценностей», становилась прерогативой власти. Профессор Императорского Санкт-Петербургского университета А. В. Никитенко называл это время «крестовым походом против науки», писал о распространившемся массовом доношении, в результате которого «ужас овладел всеми мыслящими и пишущими», и давал в своем дневнике характеристику установившейся формы патриотизма:

Теперь в моде патриотизм, отвергающий все европейское, не исключая науки и искусства, и уверяющий, что Россия столь благословенна Богом, что проживет без науки и искусства²³.

Психологическая атмосфера в обществе была такова, что в Москве возникли слухи о готовящейся ликвидации всей системы высшего образования²⁴. Эту ситуацию обскурантизма во власти не выдержал даже сам граф Уваров, приложивший руку к ее созданию, покинув в 1849 году пост министра. Зачастую консерваторы не догадываются, что попытка сыграть на патриотических эмоциях (впрочем, как и любых других) губительна для отечества: контрреформы оборачиваются репрессиями, умеренный консерватизм – ретроградством, а патриотизм – национал-шовинизмом.

В марте 1849 года III отделением был арестован и подвергнут допросу о связи славянофильских идей с революционными И. С. Аксаков, но был отпущен после заверения в своем верноподданничестве. Не приемля ужесточавшуюся цензуру, К. С. Аксаков пишет в 1854 году стихотворение «Свободное слово» – своеобразный гимн гласности, которую поэт считал защитой от бунта рабов, от революции:

*...Ограды властям никогда
Не зижди на рабстве народа!
Где рабство – там бунт и беда;
Защита от бунта – свобода.
Раб в бунте опасней зверей,
На нож он меняет оковы...
Оружье свободных людей —*

²² Вяземский П. А. Записные книжки... С. 275–276.

²³ Никитенко А. В. Записки и дневник (1826–1877). Т. 1. СПб., 1893. С. 500.

²⁴ Пытин А. Н. Характеристики литературных мнений... С. 492.

Свободное слово!..

Несмотря на оптимистичный тон стихотворения, сам Аксаков с пессимизмом смотрел в будущее. Его сестра зафиксировала в дневнике царившие в это время в семье настроения: «Константин сам думает, что только страшные бедствия в состоянии подвигнуть народ и вызвать его спящие силы; и кажется, Божьи судьбы ведут нас к тому. Само правительство слепо старается об этом; но страшно подумать об этом грядущем времени, через что должны пройти люди! Что-то будет! В настоящее время нет человека довольного во всей России. Везде ропот, везде негодование».

«Right or Wrong, our Country!»²⁵

1848 год стал годом «Весны народов» – череды революций в Европе. Консерваторы видят в распространяющихся революционных настроениях прямую угрозу для самодержавной России. Ф. И. Тютчев доказывает, что любая революция направлена против христианства и имперства, следовательно, против России, в результате чего приходит к выводу, что охваченные революциями народы, особенно Германский союз и мадьяры, испытывают ко всем славянам историческую ненависть. «Из всех врагов России, она (Венгрия. – В. А.) едва ли не питает к ней самой озлобленной ненависти», – писал Тютчев в 1848 году в статье «Россия и Революция». Страх власти перед распространяющейся в Европе революцией толкает ее на шаг, который приводит российское общество к очередному патриотическому расколу. Согласно подписанному в мае 1849 года Николаем I и австрийским императором Францем Иосифом I договору в Венгрию направлялись российские войска для подавления восстания и сохранения целостности Австрийской империи (до этого русская армия подавила «мятежи» в Молдавии и Валахии). Эти военные операции дали повод современникам окрестить николаевскую Россию «жандармом Европы» и поставили перед патриотами новые вопросы: если патриотизм представляется естественным чувством во времена, когда родному дому требуется защита от внешнего врага, естественен ли патриотизм, когда сам «родной дом» угрожает миру соседей? Должен ли патриот, особенно если он верующий человек, поддерживать зло потому, что власти его страны выбрали эту сторону? Еще восемнадцатилетний Н. Г. Чернышевский писал, что патриот должен содействовать «славе не преходящей, а вечной своего отечества и блага человечества», то есть не противопоставлять свою родину иным отечествам ради преходящих интересов, а содействовать ее симфоническому звучанию в контексте общего цивилизационного развития. Если же власти страны вопреки этим патриотическим целям противопоставляют себя другим странам, жертвуя интересами собственного народа, патриот должен стремиться избавить свою страну от скверны даже ценой революции, желая поражения собственной армии. Поэтому Чернышевский записал в дневнике 11 июля 1849 года: «Друг венгров, желаю поражения там русских и для этого готов был бы многим пожертвовать»²⁶.

Чернышевский не был одинок в своей критике внешней политики Николая I. Участник венгерского похода А. И. Дельвиг вспоминал, что кампания не была популярна в России, да и сам он считал, что, несмотря на осуществление поставленных военных задач, она имела «самые невыгодные последствия для России»: «Венгерцы нас возненавидели; славянские племена, обманутые в своей надежде на нашу защиту перед угнетающим их австрийским правительством, стали к нам равнодушнее; австрийцы были недовольны тем, что должны были пользоваться пособием России, и вскоре выказали свою неблагодарность»²⁷.

Вспыхнувшая из-за ничтожного спора о праве хранения ключей от церкви Рождества Христова в Вифлееме в 1853 году Восточная (Крымская) война, противопоставившая Россию Османской империи и коалиции европейских держав, расколола российское общество. Одни обращались к международной политике, рассуждая о цивилизационной миссии России, другие беспокоились о внутреннем положении простого народа, смотря на политику с точки зрения судьбы «маленького человека». В этом обнаруживался конфликт имперско-государственнического и общественно-гуманистического патриотизмов. Накануне войны писатель А. В. Дружинин рассуждал в дневнике:

²⁵ «Права или нет, но это наша страна» (англ.).

²⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. 1: Дневники. Из автобиографии. Воспоминания. М., 1939. С. 297.

²⁷ Дельвиг А. И. Мои воспоминания // Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров – участников Венгерского похода 1849 года. М., 2020. С. 85.

Неужели, однако, точно будут воевать с туркою?.. Прощания, расставания, изнурительные усилия всякого рода, в публике страх и нетерпение, в именах – наборы – целый ряд туч на нашем и без того нахмуренном горизонте! Разные кометы появились на небе, и публика, кажется, убеждена в неизбежности войны. Спаси нас бог от этой беды, пусть мы будем сидеть спокойно, – спокойствие нам так нужно. Мне скажут, что и прежде были войны, но прежде время нам не указ. Тогда воевали десятками тысяч, теперь пойдут сотни. Тогда люди не знали отрады покоя. Тогда, наконец, мы-то не жили²⁸.

Помимо критики войны с гуманистических позиций существовали аргументы политического рода, допускавшие мысль о желательности поражения своей страны ради интересов отечества. Бывший главный цензор России, начальник Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов с некоторым осуждением вспоминал своих знакомых в те годы:

Во время Крымской войны люди, стоявшие высоко и по своему образованию, и по своим нравственным качествам, ждали не успеха России, а ее поражения. Они ставили вопрос таким образом, что если бы император Николай восторжествовал над коалицией, то это послужило бы и оправданием, и узаконением на долгое время господствовавшей у нас ненавистной системы²⁹.

В славянофильском окружении Аксаковых, настроенных оппозиционно к николаевскому режиму, но поддерживавших «освободительную» миссию России в Крымской войне, критиковали военных и правительство за нерешительность, предполагая измену в высших сферах. «Положение наше совершенно отчаянное, не внешние враги нам страшны, но внутренние – наше правительство, действующее враждебно против народа, парализующее его силы духовные, приносящее в жертву своих личных немецких выгод его душевные стремления, его силы, его кровь», – писала в дневнике В. С. Аксакова³⁰. На почве критики властей произошел конфликт между И. С. Аксаковым и придворной дамой А. О. Смирновой, которая, ранее преклонявшаяся перед поэтом-публицистом, теперь обвинила славянофила в западничестве и написала в письме: «Милостивый государь. Я Вас не знаю, не разделяла никогда и не разделяю Ваших убеждений и мыслей... Запад гибнет от гордости и пустословного порицания... Служить надобно не фантастической России, а такой, какая она есть»³¹. Однако под Россией «такой, какая она есть» понималась существующая власть, поэтому данная формула подменяла патриотизм верноподданничеством, с чем не могли согласиться думающие люди.

Под влиянием Крымской войны и антиевропейской риторики правительственных чинов усиливался патриотический кризис в студенческой среде. В кругу Н. А. Добролюбова даже изначально патриотически настроенные студенты постепенно начинали раздражаться неуместными проявлениями верноподданничества. Так, М. И. Шемановский вспоминал нелегальную студенческую вечеринку в пустующем доме на Васильевском острове:

Пели и песни. Один запел было известный русский гимн, но встретил общее неудовольствие. Когда же он, несмотря на то, продолжал петь, то Сидоров, считавшийся до того между нами ярким патриотом, проявлявшимся на плохих патриотических стихотворениях по поводу Восточной войны, вдруг выдернул шпагу с угрозой заколоть певца и своим

²⁸ Дружинин А. В. Повести. Дневник. М., 1986. С. 224.

²⁹ Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М., 1991. С. 54.

³⁰ Аксакова В. С. Дневники. Письма. СПб., 2013. С. 96.

³¹ Там же. С. 113.

*дребезжащим голосом стал импровизировать на тот же голос пародию. Это возбудило общий смех и рукоплескания – певцы умолкли*³².

Власти чувствовали общественные настроения и подключали «административный ресурс». Попечитель Московского учебного округа генерал-лейтенант В. И. Назимов велел профессорам высших учебных заведений «взяться за перо», на что откликнулся профессор политэкономии Императорского московского университета И. В. Вернадский, опубликовав в «Московских ведомостях» статью о жестокосердной и коварной политике Англии. По воспоминаниям Феофтистова, именно за эту статью Вернадский вскоре получил орден.

Не отставали в выражении патриотических чувств и поэты. А. С. Хомяков в марте 1854 года написал стихотворение «России», в котором обращался к Родине:

*Вставай, страна моя родная,
За братьев! Бог тебя зовет
Чрез волны гневного Дуная,
Туда, где, землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод.*

В обществе с иронией обсуждали поэму Каролины Павловой «Разговор в Кремле», в которой русский патриот давал отпор англичанину и французу, кичившимся своей цивилизованностью. В произведении «надменный» и «богомерзкий» Запад противопоставлялся Святой Руси и, в частности, имелись следующие строки:

*Мы говорили в дни Батыея,
Как на полях Бородиня:
Да возвеличится Россия,
И гибнут наши имена!..*

Это стихотворение породило очередную дискуссию и заставило А. В. Никитенко высказаться о патриотизме в своем дневнике:

Любовь к отечеству – чувство похвальное, что и говорить. Но выражение этой любви хорошо, когда оно истинно, когда оно не пустая звонкая фраза, а мысль реальная и верная. Сказать: «пусть гибнут наши имена, лишь бы возвеличилось отечество», значит сказать великолепную нелепость. Отечество возвеличивается именно сынами избранными, доблестными, даровитыми, которые не гибнут без смысла, без достоинства и самоуважения.

Когда в разгар Крымской войны умер император, это вызвало бурю восторга среди части патриотической общественности. К. Д. Кавелин написал письмо Т. Н. Грановскому, распространенное среди знакомых, в котором давались следующие характеристики Николаю I:

Калмыцкий полубог, прошедший ураганом, и бичом, и катком, и терпугом по русскому государству в течение 30-ти лет, вырезавший лица у мысли, погубивший тысячи характеров и умов, истративший беспутно на побрякушки самовластия и тщеславия больше денег, чем все предыдущие

³² Шемановский М. И. Воспоминания о жизни в Главном педагогическом институте 1853–1857 годов // Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 54.

*царствования, начиная с Петра I, – это исчадие мундирного просвещения и гнуснейшей стороны русской природы – окошел, наконец, и это сущая правда!*³³

Современники восприняли текст письма как «воплъ восторга, непримиримого озлобления против человека, воплощавшего собой самый грубый деспотизм»³⁴. Подобным проявлениям эмоций со стороны образованных людей удивляться не приходится: деспотический режим аккумулирует в среде интеллектуалов эмоциональное напряжение, переходящее в чувство ненависти, которое рано или поздно бурно вырывается наружу. Иногда множество индивидуальных эмоций сливаются в единое революционное настроение, приводя к мощным социальным взрывам.

Крымская война не только расколола российское общество на сторонников и противников войны, но и выявила противоречия внутри военно-патриотического блока. Так, в 1855 году молодая императрица Мария Александровна тяготилась излишними проявлениями «русского патриотизма» со стороны своей тетушки, нидерландской королевы Анны; часть московского дворянства подозревала самого Александра II в недостаточности патриотического чувства. Фрейлина императрицы и дочь известного поэта А. Ф. Тютчева (также и жена с 1866 года славянофила И. С. Аксакова) обвиняла в 1855 году московские славянофильские круги в том, что они имеют несчастье «слишком много вариться в собственном соку и думать, что они одни любят Россию и одни принимают к сердцу ее интересы», когда же стало известно о подписании унижительного Парижского трактата, она закатила истерику перед императрицей и записала в дневнике:

*Не Россию я оплакиваю. Я знаю, что Россия выйдет победительницей и из этого испытания – она не может быть унижена. Я оплакиваю императора и императрицу: они испытания не выдержали, они ослабели в своей вере...*³⁵

Трезвомыслящие россияне не имели претензий к молодому императору, признавая неизбежность поражения в войне против крупнейших европейских держав и считая это следствием ошибочной стратегии противопоставления России Европе:

*Мы не два года ведем войну – мы вели ее тридцать лет, содержа миллион войск и беспрестанно грозя Европе. К чему все это? Какие выгоды и какую славу приобрела от того Россия?.. Лет пять тому назад, москвичи провозгласили, что Европа гниет, что она уже сгнила, а бодрствуют, живут и процветают одни славяне. А вот теперь Европа доказывает нашему невежеству, нашей апатии, нашему высокомерному презрению ее цивилизации, как она сгнила*³⁶.

К. Д. Кавелин находил лишь одно историческое оправдание войне – в том, что она своим поражением открыла обществу глаза на беспутность верховной власти:

*Война нужна была как немезида, как фонтенель, как меркурий против сифилиса, открывшегося в России в лице высочайшей особы. Теперь она становится тем, чем она всегда есть: зло и несчастье, особливо такая бессмысленная, позорная война!*³⁷

Впоследствии было признано, что поражение в войне действительно пошло на пользу отечеству – подтолкнуло Александра II к Великим реформам. Начало правления Александра II

³³ Письма К. Д. Кавелина к Т. Н. Грановскому // Литературное наследство. 1959. Т. 67. С. 607.

³⁴ Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы... С. 105.

³⁵ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Дневник. 1855–1882. М., 1929. С. 96.

³⁶ Никитенко А. В. Записки и дневник (1826–1877). Т. 2. СПб., 1893. С. 17–19.

³⁷ Письма К. Д. Кавелина к Т. Н. Грановскому... С. 611.

Хомяков назвал «оттепелью», этот термин подхватили славянофилы, надеясь, что молодой император начнет необходимые стране реформы.

«Оттепель» проявилась также в «оттаивании» некоторых патриотов-имперцев, утрачивавших воинственный пыл, а вместе с ним и отдельные псевдопатриотические ценности. Показательна в этом плане метаморфоза, произошедшая с И. С. Аксаковым. После окончания войны славянофил писал родителям, возмущаясь устроенным в Москве торжественным чествованием моряков-защитников Севастополя и даже заявляя о готовности прослыть западником:

Что за комедию разыгрывают Кокарев и Погодин! Читать возмутительно... Беда от русского направления, которым изволят проникаться светское общество! Слова «народность», «русский дух», «православие» производят во мне теперь такое же нервическое содрогание, как «русское спасибо», «русский барин» и т. п.; охотно согласился бы прослыть в обществе и западником и протестантом... Не слышится мне во всем этом ни теплой любви к истине, ни горячего стремления к ней и к благу общему, а много умной суеты, самолюбивой потехи³⁸.

Как и после поражения под Аустерлицем, патриотическая пропаганда пыталась исцелить травму капитуляции Севастополя героическими рассказами о подвигах русских воинов, однако возвращавшиеся из Крыма солдаты несли с собой иные истории:

Из рассказов, которые мне приходится часто слышать, вижу я, как фальшивы репутации многих героев, созданные в Москве и Петербурге, как преувеличено многое и вообще, как эхо и резонанс дают ложное понятие о первоначальной истине. Замечательно также, что превознесение черноморцев похвалами паче меры чрезвычайно обидело и раздражило армию, гибнущую тысячами на бастионах. Вообще хорош и истинно высок только «нижний чин»; храбрость же большей части офицеров не имеет нравственного достоинства. По рассказам, Севастополь был чем-то вроде Содомы и Гоморры относительно нравственности; Малахов курган прозывался «Хребет беззакония». Следует из всего этого вывести, что разврат в русском человеке не растлевает и не расслабляет его, а сам есть результат сил и энергии, осужденных на бездействие... —

и далее о разорении татарских поселений в Крыму: «Вы не можете себе представить, какую скверную память оставила по себе русская армия. Это был чистый разбой, грабеж, насилие, произведенное не солдатами, а офицерами и генералами»³⁹.

Еще острее противоречия русского патриотизма вскрыло Польское восстание 1863–1864 годов, поводом к которому стал насильственный рекрутский набор, носивший характер политических репрессий, но причины были связаны с национальным движением (в результате подавления Польского восстания 1830–1831 годов в царстве была отменена конституция, перестали действовать Сейм, Государственный совет, усилилась русификация). Помимо собственно польского вопроса внутри Российской империи, отечественных патриотов болезненно задела моральная поддержка поляков в ряде европейских держав, прежде всего в Великобритании, Франции и Австрии, потребовавших от России «прекратить кровопролитие в Польше» и предложивших вынести польский вопрос на обсуждение Венского конгресса, что было расценено как попытка вмешательства во внутренние дела отечества. В речах современников появилась фраза, объясняющая причину Польского восстания: «француз гадит»; а также раздава-

³⁸ Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. М., 1994. С. 429.

³⁹ Там же. С. 436, 446.

лись восклицания «Отечество в опасности!»⁴⁰. Патриотическая риторика объединила идейных оппонентов – западников и славянофилов. Западник М. Н. Катков в польском вопросе занял бескомпромиссную позицию, увидев в нем столкновение польского и русского патриотизмов. По его мнению, польские патриоты стремились «отнять у России не только значение великой державы, но и всякое политическое значение, так чтобы годовщина ее тысячелетнего существования превратилась для нее в похоронную тризну»⁴¹. (Патриотические эмоции подогревались политикой памяти, так как 1862 год стал важным юбилейным годом, когда отмечалось пятидесятилетие изгнания Наполеона и тысячелетие России.) В этом же издатель-западник обвинял и европейские страны, открыто называя их «нашими врагами», заявляя о готовности к изоляции России от Запада⁴². Подобное обвинение Запада в желании отнять у России «политическое значение» может рассматриваться в качестве своеобразного комплекса субъектности, при котором представители одной державы, чувствуя несоответствие своих амбиций той реальной роли, которая отводится стране на международной арене, пытаются компенсировать чувство неполноценности перенесением ответственности на других, обвиняя их в тайном сговоре или переводя вопрос в русло цивилизационного противостояния. К тому же в России в 1863 году сохранялся комплекс проигранной Крымской войны. А. В. Никитенко в дневнике угрожал Европе, предупреждая, что «новая война с Россией не будет похожа на Крымскую».

Ф. И. Тютчев также рассматривал польский вопрос в контексте цивилизационного противостояния России и «коллективного Запада», но при этом, в силу служебного положения, демонстрировал более «сдержанную» позицию:

Я конечно не принадлежу к тем, кто в своем мрачном патриотизме хотел бы обречь Россию на систематическое одиночество, обособить и уединить ее на веки. Я допускаю сближения, но с тем, чтобы они были лишь случайными, и чтобы, соглашаясь на них, ни на мгновение не забывалась та истина-догмат, что между Россией и Западом не может быть союза ни ради интересов, ни ради принципов, что не существует на Западе ни одного интереса, ни одного стремления, которые бы не злоумышляли против России⁴³.

Характерно, что Тютчев, давно писавший о ненависти Запада к России, приходил к выводу о наличии некоего антирусского заговора – конспирология как когнитивное искажение связана с личными фобиями и порожденными ими навязчивыми идеями.

Патриотические эмоции привели к тому, что в 1863–1864 годах в российском обществе родилась военная тревога – предчувствие большой европейской войны. В значительной степени сами патриоты своей риторикой разжигали в себе этот страх, который, в свою очередь, еще более усиливал враждебность и агрессию патриотов. Поэт А. А. Фет писал Л. Н. Толстому: «Самый мерзкий червяк, гложущий меня червяк, есть поляк. Готов хоть сию минуту тащить с гвоздя саблю и рубить ляха до поту лица»⁴⁴. Игнорируя всякую логику заявлением, что Россия занималась делами мира, когда вооружалась, М. Н. Катков писал:

Мы не готовились ни к какой войне, мы исключительно занимались делами мира и внутреннего благоустройства; но козни наших врагов принуждают нас обнажить меч, они заставляют Россию призывать сотни тысяч людей к военному делу и издерживать на военные приготовления

⁴⁰ Штакелшнейдер Е. А. Дневник и записки (1854–1886). М.; Л., 1934. С. 323.

⁴¹ Московские ведомости. 1863. 3 апреля.

⁴² Московские ведомости. 1863. 17 июля.

⁴³ Цит. по: Пигарев К. В. Ф. И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России // Литературное наследство. Т. 19–21. М., 1935. С. 205–206.

⁴⁴ Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями. Т. 1. М., 1978. С. 366.

многие миллионы: пусть же знают они наперед, что это не обойдется им даром... Пора двусмысленных заявлений и дипломатического лицемерия должна же миновать наконец. Не для того же мы вооружаемся, чтобы понапрасну разоряться и продолжать терпеть всякого рода оскорбления⁴⁵.

Министру иностранных дел А. М. Горчакову приходилось даже через Ф. И. Тютчева просить издателя «Московских ведомостей» сменить воинственный тон в отношении Запада на более сдержанный, дабы не усугублять международную напряженность⁴⁶. Современники ругали издания и издателей, ответственных за военно-патриотическую истерию – «Гнусный „Русский Вестник“! Гнусный Катков!» – и гадали на страницах своих дневников: «Будет война или не будет? – вот великий нынешний вопрос. Будет? Не будет?»⁴⁷

Патриоты-консерваторы испытывали амбивалентные чувства. Так, Тютчев радовался твердому отпору Горчакова европейским странам, данному в депешах, которые «затронули национальные струны души», понимая при этом, что они приближают Россию к войне с Европой, в связи с чем впадал в панику и предвидел «нашу погибель». И. С. Аксаков, также почти смирившийся с мыслью о неизбежности войны, пытался связать с ней надежду на возрождение «народной Руси». Воинственно-патриотическая риторика становилась профилактикой страха перед войной, создавала ощущение национальной сплоченности, однако последнему мешали инакомыслящие. Народники распространяли листовки против политики правительства в Польше, в прокламации «Земли и воли» противопоставлялись империя и отечество и подчеркивалась общность интересов польских повстанцев и русских людей:

Мы с Польшей, потому что мы за Россию. Мы со стороны поляков, потому что мы русские. Мы хотим независимости Польши, потому что мы хотим свободы России. Мы с поляками, потому что одна цепь сковывает нас обоих... Да, мы против империи, потому что мы за народ!⁴⁸

Тем самым имперство представлялось антинародным и антипатриотичным мировоззрением, так как провоцировало национальные проблемы.

Опасаясь войны и понимая значение народного ополчения, консерваторы начали готовить крестьян к мысли о возможном очередном вооруженном конфликте с зарубежными странами. Летом 1863 года вышла анонимная книжка «О русской правде и польской кривде», в которой слогом народного сказа сообщалось, что поляки задумали захватить Киев и вернуть крепостное право в России, истязают и убивают православных священников, давались характеристики национальных черт поляков как людей хвастливых, подлых и склонных к воровству, рассказывалось, что поляки вступили в антирусский сговор с европейскими державами, которым «очень хочется унижить Россию», а помогают им в этом «русские воры», сидящие в Лондоне (намек на А. И. Герцена). Текст заканчивался призывом к крестьянам идти добровольцами (охотниками) на войну, если она начнется по вине поляков и западных стран: «Да ведь нашим молодым ребятам Царь не отчим, а матушка Русь не мачеха – пойдут многие охотой, это уж верно». На эту брошюру рецензией откликнулся М. Е. Салтыков-Щедрин, который с раздражением писал о проводившейся ее автором навязчивой пропаганде любви к Родине:

Человек и без того уже склонен воспитывать в себе чувство национальности более, нежели всякое другое, следовательно, разжигать в нем это чувство выше той меры, которую он признает добровольно, будучи

⁴⁵ Московские ведомости. 1863. 17 июля.

⁴⁶ Мецержакова А. О. Политический союз поэта и журналиста: Ф. И. Тютчев и М. Н. Катков в период польского восстания // Тетради по консерватизму. 2018. № 3. С. 385–392.

⁴⁷ Штакеншнейдер Е. А. Дневник... С. 326, 327.

⁴⁸ Герцен А. И. Прокламация «Земли и воли» // Собрание сочинений. Т. 17. М., 1957. С. 90.

предоставлен самому себе, значит уже действовать не на патриотизм его, а на темное чувство исключительности и особничества.

Леволлиберальная интеллигенция кулуарно выражала сочувствие польским патриотам. Хозяйка популярного в Петербурге литературного салона Е. А. Штакеншнейдер, остро ощущавшая фальшь официальной военно-патриотической пропаганды, с одной стороны, а с другой – переживавшая из-за разговоров об усилившейся в Европе русофобии в связи с польскими событиями, записала в дневнике в мае 1863 года:

Россия, Россия, родная, до чего доигрались с тобой! Какого тяжелого драматизма полно положение всякого мыслящего русского! Я бы хотела теперь быть полячкой и с чистой совестью от всего сердца биться за родную землю

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.